

Курьезная охота.

(Изъ Саратова).

Сѣно убрано, съ парами покончено, рожь хоть и побурѣла, а жать еще не начнешь съ добрую недѣлку.

Наѣздку стаи началъ подъ личнымъ наблюденіемъ и за дѣло молодежи взялась недурно; одно лишь скверно: набалованныя перемѣнными доѣзжачими, молодые собаки не могутъ равнодушно видѣть дворянъ..... Время сравнительно свободное, и сосѣдъ Константинъ Ивановичъ подбиваетъ сѣздить въ сѣверную часть уѣзда, навѣстить общаго пріятеля—В. А. Менде, побывать у котораго начали собираться еще съ прошлаго года.

Разсчитывая этой поѣздой убить не двухъ, а цѣлыхъ трехъ зайцевъ съ заряду—провести время въ обществѣ милѣйшаго и симпатичнѣйшаго человѣка, но великаго Фабія Кунктатора, Влад. Александр., взглянуть его хозяйство, да кстати собрать свѣдѣнія и о волчьихъ выводкахъ,—недолго думая, изъявляю полнѣйшее согласіе, и, къ вечеру слѣдующаго дня, почтовая парочка Маркела, содержателя почтовой и земской станцій г. Саратова, великаго мастера своего дѣла, ужъ выносила насъ изъ воротъ Есиповской усадьбы. Миновали Саратовъ, чуть не задохнувшись его пылью,—Клещевку, около которой прекрасныя мѣста для наѣздки, гдѣ, какъ-то выѣхавъ въ 9¹/₂ часовъ утра и вернувшись на квартиру къ 12-ти пополудни, мы затравили 5-ть лисицъ и 3-хъ русаковъ,—и для меня начались новыя мѣста, мѣста бывшаго Саратовскаго губернатора, В. А. Щербатова, женатаго на дочери, нѣкогда знаменитаго, Саратовскаго виннаго откупщика, а затѣмъ грознаго губернскаго предводителя дворянства, любителя и обладателя прекрасныхъ вислушекъ (крымскихъ и горскихъ), Афанасія Алексѣевича Столыпина.

Всеволодчину проѣзжаемъ ужъ ночью и взглянуть на знаменитую „Медвѣжью Гору“,—островъ, въ которомъ дѣлывались баснословныя поля,—не пришлось.....

Кончилась Щербатовщина, началась Воронцовщина, села, деревни и хутора теперешняго министра двора, графа И. И. Воронцова-Дашкова..... Восходъ солнца застаеъ насъ выѣзжающими изъ Тепловки (большаго села, въ которомъ сосредоточено главное управленіе всѣхъ Саратовскихъ имѣній графа) и влекомыхъ двумя безногими одрами, подъ управленіемъ самаго содержателя земской станціи, которому, за невоздержность на языкъ, чуть-чуть не влетѣло „по шеѣ“ отъ моего горячаго спутника. Выбрались на „Теплую Гору“ и потянулись безконечнымъ ржанымъ полемъ. Хлѣбъ высокъ, часть, колосистъ, наливенъ и нѣтъ ему конца края:

Куда ни оглянись,—
Повсюду рожь густая!...

гляди на которую, какъ-то особенно отраднo дѣлается помѣщицкѣй душѣ... Кругомъ видятся заразистые острова, но острова черезъ-чуръ большіе. Ужъ больно велики! За то говорятъ,—волки просто одолѣли...

Проѣхали „Новые-Бурасы“, населеніе которыхъ занимается оригинальнымъ отхожимъ промысломъ,—„нищенствомъ“. Въ Старыхъ-Бурасахъ послѣдній разъ смѣнили лошадей и часу въ 9-мъ утра ужъ были на мѣстѣ, заставъ пріятеля еще на логовѣ.....

Пробыли мы у него въ Липовкѣ дня три. Осмотрѣли по возможности хозяйство, полюбовались усовершенствованнымъ молотильнымъ сараемъ съ коннымъ и водянымъ приводами для машинъ, плодомъ трудовъ и знанія механики тогдашняго управляющаго Менде, а нынѣ управляющаго Маріинской сельско-хозяйственной фермой, г. Сладкова,—водяными мукомольными мельницами, жеребятами отъ экономическихъ рабочихъ кобылъ и казенныхъ (рысистыхъ и тяжеловозовъ) жеребцовъ, пунктъ коихъ, изъ Саратовскаго Депо, стоитъ при с. Липовкѣ. Мимоходомъ взглянули гончихъ, нѣсколько штукъ которыхъ, разныхъ возрастовъ, бѣгало по обширному двору усадьбы.

Скатали въ Петровскій уѣздъ, въ Обалиху, имѣніе г. Столыпина, взглянуть продающихся у главноуправляющаго тройку сѣрыхъ рысистыхъ кобылъ, и самаго управляющаго застали въ сильномъ волненіи, по случаю, только что полученнаго, извѣстія, что на одномъ изъ хуторовъ экономіи появилась чума на рогатомъ скотѣ. Пріѣхали въ Обалиху мы уже въ сумерки, и такъ какъ ночи стояли свѣтлыя, то рѣшили остаться ужинать, чтобы возвращаться по лунѣ, и пока Константинъ Ивановичъ занимался съ управляющимъ разговорами, Влад. Ал. повелъ меня смотрѣть роскошный барскій домъ, наполненный множествомъ старинныхъ картинъ въ золоченыхъ рамкахъ. Въ одной изъ комнатъ помѣщалась довольно большая бібліотека, большинство книгъ которой было на французскомъ языкѣ и между ними—нѣсколько рѣдкихъ и хорошихъ изданій.

Роскошь обстановки хоромъ, печать унынія и запустѣнія тяготѣв-

шая на всемъ, въ соединеніи съ характеристикю самого владѣльца, не живущаго въ имѣніи, услышанною мною во время осмотра, коснувшись одной изъ сильнѣйшихъ нашихъ язвъ,—взгляда и отношенія большинства большихъ русскихъ баръ къ благосостоянію своихъ, по преимуществу огромныхъ, земельныхъ имѣній,—повергли мою впечатлительную душу въ какое-то удручающе-гнетущее состояніе. Отношенія эти, отъ которыхъ до извѣстной степени зависитъ благосостояніе и всей нашей матушки Руси, столь характерны, что объ нихъ стоило-бы поговорить, но такъ какъ это заняло-бы много мѣста и времени, то я и умолкаю.

Наканунъ нашего отъѣзда изъ Липовки пришла почта, получились газеты, и, просматривая за вечернимъ чаемъ „Саратовскій Дневникъ“, читаю, что въ Саратовѣ, на дачахъ близъ женекаго института, появился волкъ, „вѣроятно убѣжавшій у нашихъ лихихъ членовъ кружка охоты, убоясь предстоющихъ садокъ“,—который нагналъ на дачныхъ обитателей паническій ужасъ, такъ какъ, вслѣдствіе стоящихъ сильныхъ жаровъ, можетъ взбѣситься и т. д. Росписано такъ краснорѣчиво, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ужасно, что даже при одномъ чтеніи въ стовѣрстномъ разстояніи отъ дачъ и то этотъ самый „паническій ужасъ“ невольно охватываетъ читателя. Испугался было и я, да скоро успокоился, будучи увѣренъ, что кто-нибудь увидалъ собаку, принялъ ее за волка, а далѣе ужъ разыгралась фантазія и изъ мухи сталъ слонъ.

Однако, на обратномъ пути, въ Есиповкѣ слышу устное подтвержденіе сообщенія „Дневника“ о появившемся волкѣ и кромѣ того узнаю, что полицеймейстеръ справлялся когда я вернусь, чтобы, для успокоенія обывателей, просить учинить на дачахъ охоту на волка, или взять, или—въ крайнемъ случаѣ—хоть изгнать за черту города. Вернувшись-же домой, не успѣваю еще справиться все-ли обстоитъ благополучно, какъ доѣзжацій докладываетъ, что пріѣзжалъ полковникъ Бибииковъ и просилъ стаю, но такъ какъ безъ меня стаю дать не осмѣлились, то полковникъ оставилъ записку, которую и обрѣтаю въ кабинетѣ на письменномъ столѣ.

Сообщая въ ней о поселеніи злополучнаго волка на дачахъ и о томъ, что на него уже была устроена охота съ полковыми гончими, но такъ какъ тѣ по волкамъ не гоняютъ, то волка не нашли, а увидѣли только лису, по которой и стрѣляли,—г. Бибииковъ просилъ, какъ только я вернусь, пріѣхать въ Саратовъ съ своей стаей.

— Пріѣхать отчего не пріѣхать, да вотъ какъ мы стаю то доведемъ?!... Вѣдь по большой дорогѣ къ Саратову дворняги на каждомъ шагу!... обращаюсь къ доѣзжающему, занявшему эту должность не болѣе двухъ недѣль тому назадъ.

— Ужъ какъ-нибудь доведемъ-съ, отвѣчаетъ тотъ неувѣренно. Едва на слѣдующій день моя тройка поравнялась съ первой те-

рассой Парусиновскихъ дачъ, какъ оттуда раздался радостный возгласъ: „ну, слава Богу! наконецъ-то нашъ избавитель является!“... и я узрѣлъ толстенную фигурку знакомаго присяжнаго повѣреннаго „изъ насихъ“, который, забывъ свои обычныя плавность и краснорѣчіе, торопко и довольно несвязно спѣшилъ передать мнѣ, что всѣ эти дни волкъ держигъ дачниковъ въ блокадѣ: чуть солнышко начинаетъ закатываться, какъ всѣ на-глухо закупориваются въ дачахъ, да и днемъ-то ходять по лѣсу съ опаской.

Спросивъ гдѣ дача полковника, я покатилъ дальше и минутъ чрезъ 20 ужъ осматривалъ съ г. Бибиковымъ мѣста, гдѣ предполагалось пребываніе звѣря, предварительно узнавъ, какимъ образомъ взбрело на умъ сѣрому пріятелю забраться сюда. Оказалось, что нѣскольکو дней тому назадъ, когда полкъ шелъ на стрѣльбу изъ лагеря, увидели двухъ волковъ, одного изъ которыхъ посланный солдатикъ-татаринъ подстрѣлилъ изъ берданки. Волкъ бросился къ фотонафтильнымъ складамъ и залегъ тамъ. Двое подирпорщиковъ скатали въ лагерь за дробовиками, пошли его розыскивать и волкъ, спасаясь отъ нихъ, вмѣсто того, чтобы удрать чрезъ Лопатину гору въ лѣсъ, бросился въ дачныя сады. Тамъ на него устраивали охоту, но не нашли; стрѣляли по лисѣ. Потомъ волкъ сталъ показываться, такъ его видѣла барышня, барыня, конюхъ и еще кто-то.

Разсказъ полковника еще больше укрѣпилъ меня во мнѣніи, что это не волкъ, а собака. Мнѣ живо вспомнилось, какъ прошлую зиму, въ день садокъ, уѣхавъ на рысяхъ отъ охоты, шедшей на бѣгъ, я только что сталъ взбираться на Лопатину гору, какъ встрѣтившіеся мужики сообщили, что на горѣ, около самой дороги, лежатъ два огромныхъ волка. Возбравшись на гору, вижу, точно лежатъ два лобана саж. въ 50 отъ дороги и подозрительно косятся въ мою сторону. Мигомъ составивъ въ умѣ планъ атаки на нихъ, проѣзжаю мимо, скрывшись за уваль, останавливаюсь, и въ ожиданіи прихода собакъ, начинаю наблюдать за лежащими. Немного погодя, видя проходящій обозъ, волки встали и, спустившись во вражекъ, скрылись. Ёду на лежки: два собачьихъ слѣда, а толкнувъ къ оврагу, поднимаю двухъ огромныхъ сѣрыхъ дворнягъ. Пріѣхавшіе чрезъ полчаса на бѣгъ охотники не замедлили разсказать, что на Лопатиной горѣ перевидѣли двухъ матерыхъ волковъ, но травить не посмѣли. Объ этомъ я немедленно и разсказалъ полковнику.

— Весьма возможно, что это и на самомъ дѣлѣ собака, но для успокоенія мы все-таки будемъ просить васъ потрудиться пріѣхать. Вѣдь не на шутку всѣ перепуганы!—возразилъ мнѣ на это Михаилъ Ильичъ Бибиковъ и мы отправились, для составленія плана на завтрашнюю охоту къ жившему тутъ-же К. Е. Мельницкому, который, хорошо зная мѣстность, ознакомилъ меня съ нею, и, обсудивъ все, рѣшили, что на разсвѣтъ завтрашняго дня я буду со стаей у Михаила Ильича.

Покончивъ дѣла въ Саратовѣ, полицеймейстера я ужъ не засталъ въ управленіи, а обрѣлъ его въ саду Эрмитажѣ, гдѣ онъ сообщалъ мнѣ, что ему донесено, будто къ волку—подбылъ еще другой. Уговорившись, что къ разсвѣту онъ, съ приличнымъ числомъ надетовъ изъ конныхъ стражниковъ, тоже явится къ дачѣ полковника, мы разстались.

Въ первомъ часу ночи 23 іюня, напутствуемые жалобнымъ воемъ запертыхъ борзыхъ, коихъ я рѣшилъ не брать, охвативъ сомкнутую (обыкновенно я смычковъ не употребляю) стаю тѣснымъ кольцомъ всадниковъ, мы ужъ съѣзжали со двора. Несмотря на всѣ принятія предосторожности, однако по большой дорогѣ два раза упустили гончихъ по дворнягамъ, одну изъ которыхъ здорово-таки потрепали. Лишь только показалась зорька и пахнулъ передразвѣтный вѣтерокъ, я ужъ сходилъ съ „Малютки“ около сборнаго пункта. На столикъ бесѣдки была поставлена закуска и заваривавшій чай камердинеръ сообщалъ, что полковникъ уже всталъ и сію минуту выйдетъ, и едва онъ успѣлъ договорить эту фразу, какъ показался и самъ полковникъ. Немного погодя подѣхалъ одинъ изъ городскихъ борзятниковъ, потомъ пришла охотничья команда Имеретинскаго полка, подошелъ Конст. Евг. и только какъ слѣдуетъ ободняло, приступили къ дѣлу.

Между депо желѣзной дороги и частью Саратова, извѣстной подъ названіемъ „Краснаго Креста“, съ одной стороны, женскимъ институтомъ и Лопатиной горой—съ другой, раскинулось нѣсколько садовъ разныхъ владѣльцевъ. Сады эти наполнены дачами и занимаютъ около квадратной версты. Въ садахъ—овраги, поросшіе мелкимъ кустарникомъ, крапивою и бурьянами. Два оврага, одинъ изъ Павловскаго сада, другой изъ Вакуровскаго парка, пересѣкая Большую Сергіевскую улицу, гдѣ чрезъ нихъ перекинута мосты, доходятъ до Волги, около которой поросли лѣсомъ. Въ каждомъ саду пруды и садъ отъ сада отдѣленъ деревяннымъ заборомъ. Въ заборахъ ворота на всѣ четыре стороны. Пѣшкомъ проникнуть изъ сада въ садъ, а равно и собакамъ пролѣзть—можно.

Обставивъ со стороны Лопатиной горы сады верховыми, на обязанности которыхъ лежало взять выскочившаго волка на лошадахъ, спѣшивъ псарей и спѣшившись самъ, мы метнули стаю съ Сергіевской улицы въ Павловскій садъ. Исколесили его, Парусиновскій—и перешли въ Уфинцевскій.

Чу!—отозвалась одна гончая. Къ ней подвалили еще: слышится какая-то грызня. Чрезъ нѣсколько минутъ, всѣ оружейники и я съ псарями уже тамъ: нѣсколько молодыхъ гончихъ теребять ежа!... Обыскали всѣ закоулки на уфинцевскихъ дачахъ, убѣдились, что въ институтскій садъ волку проникнуть было негдѣ и только начинаемъ вызывать гончихъ, какъ прибѣжавшій мужикъ, запыхавшись, сообщаетъ, что сію минуту видѣлъ въ Вакуровскомъ паркѣ, какъ штукъ

5—6 гончих гнали сначала собаченку, которую, догнавъ въ пруду, задушили, а потомъ волка, который бросился было въ прудъ, переплылъ его и побѣжалъ къ Волгѣ.

— Да, что, поди-то-же собака?! попробовалъ было я усумниться, но мужикъ разсыпался въ такихъ клятвахъ, что волковъ онъ знаетъ прекрасно и видѣнный сейчасъ имъ есть очень большой волкъ, что мы повѣрили и бросились по указанному направленію. Добѣгаемъ до пруда: въ тинѣ лежитъ задушенная небольшая дворняжка, а саженой на 19 дальше, по слѣдамъ, видно, какъ изъ пруда выскочило что-то большое, отряхнулось и побѣжало чрезъ плотину. Хоть на пыли и ясно видны слѣды, но разобрать кому они принадлежать: волку или собакѣ—нѣтъ возможности. Слѣдъ этотъ много больше слѣдовъ гончихъ собакъ, которыя, тоже выскочивъ изъ пруда, но только правѣе, стряхнувшись, повели по нему.

Начинаемъ разбирать, доходимъ до воротъ и, выйдя противъ часовни Краснаго Креста, на мостовую, теряемъ слѣдъ. Туда—сюда, ничего не разберешь! Выходить лавочникъ и узнавъ, что мы ищемъ, рассказываетъ, что нѣсколько минутъ тому назадъ пять собакъ „въ голоса“ гнали волка къ воротамъ, который, увидавъ выходящаго въ это время изъ лавочки человѣка и повернулъ назадъ въ Вакуровскій паркъ.

— А вѣрно—волкъ? полюбопытствовалъ добѣзжачій.

— Вотъ ужъ это вѣрно не скажу, не успѣлъ разсмотрѣть хорошенько: ужъ больно онъ скоро назадъ-то повернулся, отвѣчалъ лавочникъ.

Всѣ оживились и стаю метнули вновь съ Павловскаго сада, а мы съ Конст. Евг. пошли по аллеямъ парка разбирать слѣды. Гдѣ по аллеямъ пыль—слѣды видно, на твердыхъ-же мѣстахъ дорожекъ они теряются и наконецъ, около одной изъ дачъ—совсѣмъ исчезаютъ. Изрядно покружившись въ тщетныхъ поискахъ пропавшихъ слѣдовъ, опять возвращаясь къ дачѣ, около которой видѣлъ ихъ послѣдній разъ и взглянувъ нечаянно влѣво, около забора замѣчаю большую сѣрую собаку. Вся мокрая, сильно потрепанная, повидимому, въ самомъ наисквернѣйшемъ расположеніи духа, собака даже ничего общаго съ волкомъ не имѣла. Другого-же волка такъ и не нашли.

Несмотря на отданный наканунѣ строгій приказъ, чтобы на дачахъ вся живность была заперта, кто-то выпустилъ курицу и псари не успѣли глазомъ моргнуть, какъ „Воронъ“ ее схватилъ, подскочило еще нѣсколько собакъ и отъ проглоченной, чуть не цѣликомъ, осталось маленькое облачко перушковъ, взлетѣвшихъ на воздухъ. Другая гончая откуда-то притащила связку воблы. Хоть волка и не нашли, но спокойствіе духа дачникамъ возвратили и, получивъ благодарность, вернулись во-свояси.

Спустя 6 дней послѣ этой курьезной охоты, рассказываютъ, что, заболѣвъ остававшійся 23 числа дома при собакахъ борзятникъ Ванюшка.

Требую его къ себѣ.

— Что съ тобой?

— И самъ не знаю-съ: послѣ обѣда выпилъ кружку холоднаго квасу, грудь и завалило, простодохнуть нельзя!

Показываю доктору, которому причину болѣзни Ванюшка объясняетъ такъ-же, какъ и мнѣ. Тотъ прописываетъ леченіе; жена моя все эти предписанія исполняетъ въ точности и чрезъ нѣсколько дней Иванъ настолько чувствуетъ себя лучше, что даже не находимъ нужнымъ вновь показать его доктору.

Отправляясь на разсвѣтѣ 8 іюля въ наѣздку стан, вижу Ванюшку стоящимъ на крыльцѣ и завистливымъ взоромъ слѣдящимъ за сборами охотниковъ.

— Ну что, какъ? спрашиваю.

— Ничего-съ, совсѣмъ лучше! весело отвѣчаетъ парень.

Вернувшись-же около 5 часовъ назадъ, узнаю, что у Ванюшки отосюду хлынула кровь, вышло ее около ведра и мать увезла его въ деревню. Бѣгу туда... Ванюшка, бѣлый какъ полотно, чисто вымытый и въ свѣжемъ бѣлѣ, сидитъ за столомъ, пьетъ чай, и на мой вопросъ о здоровьѣ, отвѣчаетъ, что боли не чувствуетъ никакой, а только слабость, причемъ рассказываетъ, что, проводивъ насъ 23 числа въ Саратовъ, легъ уснуть, проспалъ табунъ и верхомъ на „Одичаломъ“ погналъ въ догонку за нимъ охотничьихъ лошадей. Заносившій „Одичалый“ его на Табунной горѣ сшибъ; парень ударился сильно грудью о камень, и боль была столь велика, что чуть не заплакалъ, но скоро прошла; 6 дней онъ исполнялъ свои обязанности и лишь на 7-й день грудь снова заболѣла послѣ холоднаго квасу.

Лечу въ Саратовъ за докторомъ, привожу его, но бѣднаго Ванюшку ужъ застаемъ на столѣ!...

При паденіи съ „Одичалаго“ онъ сломалъ ребро, ребро проткнуло легкое и наглухо закупорило, а когда въ ранѣ образовалось нагноеніе, хлынула кровь и наступила смерть.

Каковы-же выносливость и терпѣніе русскаго человѣка: съ сломаннымъ ребромъ и проткнутымъ легкимъ 11 дней работать?!!

Поневоля приходится согласиться, что русскаго солдата убить мало, его еще повалить нужно.

Миръ праху твоему, безвременно погибшій вѣрный слуга!